

У истоков «ТИХОГО ДОНА»

Лет пятнадцать назад на провесе, в тихую распутицу семь дней пробирался я от железнодорожной станции Миллерово до Вешенской. В пути мне пришлось ночевать под скирдами соломы, ехать на тракторе и в бричке, запряженной волами. Однако я не жалел о встречах с трудностями, так как благодаря им я познакомился со многими стариками Дона, которые рассказывали мне столь интересные факты, относящиеся к творческой истории «Тихого Дона», о которых по своей сдержанности и скромности и по сию пору умалчивает сам автор прославленного романа.

Встретившись мне в ст. Базовской краснознаменец, полковник в отставке, Яков Фатеевич Лосев, познакомил меня с истинным лицом человека, который в своем творчестве прообразовал героев «Тихого Дона».

— Хутор Татарский. — страстно доказывал мне Лосев, — это же наши Базки.

— Позвольте, почему Базки? — спросил я. — Ведь сам Шолохов адресует всех в хутор Калининский?

— Наивный вы человек, — наступал Лосев. — Да ведь это же писательская хитрость, чтобы вы, пишущие братья, не догугали его родным героем. Да. Только поэтому. Ну, а что в том Калининском хуторе есть? Да ничтошеньки. А у нас же приметы наливны, и главные герои романа Гришки Мелехова — наш поймак, охотник и Прокхор Зыков, знаменитый охотник Мелехов — нашинский казак Яков Пятников, который вам может сообщить очень многое. Выйдете во двор, глянете в окрестности, я вам покажу и подворье Мелеховых...

По кривым улицам мы поехали на двор с покосившимся курдюком на крутом берегу Дона.

— Помните начало «Тихого Дона», — продолжал Лосев. — «Мелеховский двор — на краю хутора...» Так вот тут жил Ермаков Харлампий Васильевич, послушавший, по словам Шолохова, предтечу Гришки Мелехова. Обойдите по проулку и увидите мое курдюк. Я поселился на неугомонном старике и был поражен необычайно

прекрасным видом раскнущегося под нами могучего Дона с затопленным на другом берегу лесом.

Его под тобою, — говорил Лосев, — крутой, восьмисажженный слух, замшелые мелеховские глыбы, а вдали по косягу — Гетманский шлях, сбыв коего на развилке дорог в 1918 году была поставлена ледом Захариевская часовня над могилкой Валета. А погляди на юг — мелеховская хребтина Белой горы — все, как в «Тихом Доне». Но все это, так сказать, декор-антураж. А главное, народ. Кого в Калининском могут называть, как предтечу Гришки Мелехова? А никого! А у нас, пожалуй, — Харлампий Ермаков. Вот его курдюк. Харлампиев дед привел себе жену из туретки, которая родила ему сына Василия-турка. Что? Как это вам нравится? Но у калининцев же ни одного казана-турка и в заводе не было. Наш Харлампий, черныш, горбоносый, красивый и взыскательный, ушел на парскую службу. На германском фронте заслужил четыре креста Георгия, стал хорунжим. В революцию примкнул в Каменской к Подтелковому. Мы избрали его в Базках в ревком. Был он, Ермаков, рядом с Подтелковым, когда тот зарубил есаула-палача Чернецова. А позже примкнул к белым. И был свидетелем казни отряда Подтелкова в Понюхарево. Но из своей сотни не дал ни одного казака в палачи, всех увел обратно в Базки. А позже, в Вешенском востановлении 1919 года, командовал полком, а затем конной дивизией. Вскоре у него тут, в Базках, умерла жена... Он пригласил себе сестру милосердия и отпустил с нею на Кубань. В Новороссийске сдался красным, на веревке, срылся с цепи, по востановлению. На Польском фронте в 1-й Конной командовал аскароном, затем полком. После разгрома Врангеля Буденный назначил Ермакова начальником казашки в Майкопе. Ему она, казашка, планила ему выпала.

Мы усаживаемся с Лосевым на веревке колоды на кручу. Как видишь, многие из биографии Ермакова совпа-

дают с контурами судьбы Григория Мелехова.

— Да, очень многое. — Я это говорю к тому, — подчеркнул Лосев, — чтобы приоткрыть самое важное: что «Тихий Дон» мог быть написан и был написан только в Вешках! Всмотритесь и вдумайтесь, как глубоко он врос в землю вешенскую — в наши Базки; и в хутор Плешаки, где жил, работал, ставил на ноги Советскую власть и погиб коммунист-машинист мелехов Иван Срединин (названный в романе Котляровичем); и в Усть-Хоперскую, из которой вы-

с ним недели две спуска в доме колхозника станицы Кашары.

— Скажите мне, пожалуйста, — обратился я к нему, — были ли вы при Ермакове, когда он прискакал с сотней базовских казаков 11 мая 1918 года в Понюхарево?

— Ну, а где же ordinarily полагалось быть? — ответил Пятников. — Как бог велел, был при нем неотступно... Когда мы мчались верхи, Понюхарево хутор, то мой командир Ермаков и подумать не мог, что там будет такое смертоубийство. Он

их вооруженных казаков. Но Ермаков обаял пашку... И я тоже... Казак распустился... Мы отошли к своей сотне, «По-коны» — закричал Ермаков и повел хуторяны в Базки. А на развилке дорог отпустил всех по домам, и сам со мною помычал в Каргинскую...

Яков Федорович Пятников рассказал много интереснейшего из жизни и неважно Харлампия Ермакова и в довершение сказал:

— Шолохов уважал и ценил моего командира. Приезжал Шолохов к Харлампию Васильевичу в Базки не раз. И подолгу они бесновали. Все, конечно, о войне германской и гражданской. Ну, моему командиру было что вспомнить и рассказать... Имел Ермаков от Шолохова книжечку его рассказов и письмо. В одночасье показывал мне.

— Письмо? Это верно?

— Вот крест, — сказал Пятников. — Писал из Москвы Шолохов, что нужен ему Харлампий Васильевич. По делу. По какому? В одночасье мой командир сказал, что все больше его, Шолохова, волнует вешенское волнует.

— Когда же это было?

— Давно, — ответил Пятников. — Так давно, что уже в осях темно... Наверное, в году 1925 или 26-м...

Утром я уговорил шофера, который вел меня, завернуть из Кашар в Понюхарево. Ночной морозец сковал дорогу, и мы вскоре прибыли к скромному обелуку у братской могилы подтелковцев. Втроем, обняв головы, — дед Пятников, шофер и я — постояли три минуты в молчании. Затем я попросил Пятникова показать, хотя бы примерно, где же тут встали в последний раз Ермаков и Подтелков. Старик ослепел по сторонам, вымеряя шагами расстояние от могилы, перекрестился, взял из-под ног щепотку земли со снегом, положил себе за воротник рубахи и со слезами в очах, сказал: «Вот отсюда и началась дорога моего неважного командира Ермакова на Голгофу! Как же она была горька и тягостна — не привели господь же кому другому...»

Шли годы... Однажды и М. А. Шолохов подтвердил

мне, что в давние годы писал к Ермакову; работая над романом «Тихий Дон», встречаясь с ним много раз, что Ермаков очень многое знал, был необычайно памятным и умел эмоционально рассказывать о пережитом.

Шли годы и годы... И вот это письмо М. А. Шолохова у меня в руках.

По существу, это первый документ самого Шолохова о том, что он задумал писать что-то большее о гражданской войне. В этом письме, датированном 6 апреля 1926 года, из Москвы Шолохов писал Ермакову: «Мне необходимо получить от Вас дополнительные сведения относительно эпохи 1919 года...»

Письмо это дает нам основание сказать, что Шолохов, задумав писать роман, уже в апреле 1926 года охватывал своим оком события с 1912 по 1922 годы (и вернее, востановление 1919 года), которое затем стало эпицентром «Тихого Дона» в решении важнейших проблем и судеб главных героев эпопеи.

Воистину приходится удивляться таланту-самородку Шолохову, который юншей обладал орлиной дальностью и мыслью своей зоркостью, еще весной 1926 года зримо прощупывал глубины истории и перспективы великой эпопеи.

Получив фотокопию конверта с московским штемпелем «9.4.26» и письма Шолохова к Ермакову, я сразу же вспомнил краснознаменца Я. Ф. Лосева. Позже, в 1962 году, беседа со мной снова и снова о «Тихом Доне», он сказал:

— Ты знаешь, таманец, что за Вешками, верстах в пяти, в лесу стоит чудо верхнего Дона — могущественный, четырехсотлетний дуб-гигант, в шесть обхватов его ствол, высотой до 30 метров. Видел ты его?

Да, видел. Отдыхал под ним в полдень, когда кроны, что журчат под его кроной. Действительно великан!

— Так вот я тебе скажу, — продолжал Лосев, — шолоховский «Тихий Дон», образно говоря, врос в землю вешенскую и ее окружил так же мощно, так же крепко и так величественно, как то, что заветный, четырехсотлетний дуб царя лесов верхнего Дона.

Константин ПРИИМА.

«...ТОЛКОВО, СО ЗНАНИЕМ ДЕЛА»

Художник достает с одной из полок несколько внушительных папок:

— Вот здесь весь мой Шолохов: в книгах, журналах, альбоме — все, что создано за пятнадцать лет...

А началось все с рисунков к рассказу «Судьба человека». У Юрия Петровича Реброва, заслуженного художника РСФСР, был уже довольно значительный опыт в области журнальной и книжной графики, когда он увлекся Шолоховым. Увлекался «Тихим Доном», Решать полотна столь широкие и многоплановые приходилось впервые. Он едет в шолоховские места. Поиски типажей, знакомство с обстановкой, донскими просторами. Сравнивая натурные зарисовки, наброски разных лет, варианты композиций, можно видеть, насколько глубоко оказался погружен художник, как рождался слитный пластический образ романа. Каждая последующая серия графических листов была не просто обновлением предыдущей, а именно новой: от близких журнальной графике первых иллюстраций он переходит к тщательно проработанным композициям, к образам, завершенным и полными. И недаром эти работы были с одобрением встречены Михаилом Александровичем Шолоховым. Ю. Ребров хорошо запомнил слова писателя, сказанные о его рисунках: «Они выполнены толково, со знанием дела. Художник хорошо чувствует время, обстановку, характеры героев». А на книге — на альбоме «Тихого Дона» с рисунками Реброва — нарисовал: «Моему дорогому Юре Реброву благодарный М. Шолохов».

В. СИНКОВА.

Г. ГЕРАСИМОВА, наш вешт. корр.

Джеймс Олдридж, писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»: ШОЛОХОВ И МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Однажды кто-то сказал, что русской литературе пришлось пройти испытание огнем. Честно говоря, я не совсем понимаю, что сказавший это имел в виду. Я твердо знаю лишь одно, что русская литература во все времена отображала те испытания, через которые прошел великий русский народ. Испытания в войне и мире, испытания, связанные с колоссальными историческими переменами, когда свет сменял тьму, а буря — затишье. Советский народ всегда жил и продолжает жить насыщенной духовной жизнью. А советская литература всегда отражала биение пульса жизни своего народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции советскому писателю приходилось решать задачи, с которыми до тех пор не сталкивался ни один художник в мире. И не из-за трудностей, которые вставали на его пути, а из-за той трансформации, которую претерпевала человеческая личность, из-за сложного комплекса нравственных и социальных проблем, которые теперь вставали перед принципиально новым человеческим обществом.

Имя Михаила Шолохова плотно слиплось с понятием советской литературы. В его произведениях нашла свое отражение вся жизнь советского народа. За последние годы я несколько раз по-новому оценивал творчество Шолохова. И не потому, что вдруг мог усомниться в художественной или идейной ценности его произведений, а лишь потому, что как писатель инстинктивно тянулся к другому писателю, чтобы он помог мне лучше разобраться в событиях, происходивших в Стране Советов. Поэтому мне и хочется говорить о Шолохове-писателе, о том, какое влияние он оказал на меня.

В 1934 году, когда первые произведения Михаила Шолохова были изданы у нас, в Англии, я был еще слишком молод, чтобы ощутить это влияние. Но так уж совпало, что в тот момент, когда я впервые всерьез заинтересовался тем, что происходит в Советском Союзе, в мои руки попал «Тихий Дон». Для того чтобы эта книга появилась на английском языке, потребовалось пять лет. Как раз в этот период, с 1929 по 1934 год, Советский Союз вступил в новую эру, эру борьбы с фашизмом. Блестящее зарево будущей войны уже разгоралось над Европой, подбирался к берегам первого материка социализма. Так вступало в жизнь мое поколение.

Итак, я читал Шолохова по двум причинам. Первая, и самая главная, состояла в том, что он мог многое рассказать о самой нашей профессии, о литературном мастерстве. Вторую, он рассказывал о новом, социалистическом обществе: что оно будет делать, какие придет времена тяжелых испытаний. Все это было не так легко понять и усвоить, но понять было крайне необходимо, ибо это волновало меня и мое поколение. Мы посвояли искать некоего духовного откровения, искали в первую очередь у тех художников, у тех общественных деятелей, которых уважали, которых любили и понимали. Из этого первого, еще юношеского контакта с Шолоховым я узнал, что он мне необходим, ибо он мог сказать то, что никто другой сказать не мог.

Но «Тихий Дон» — произведение не легкое. Я это понял сразу, прочитав первые пятьдесят страниц. Оно было суровым, суровым, как сама правда, и чтобы до конца понять его, нужно было подчиниться законам этой правды. Я до той поры ничего не знал о жизни казаков. Я не знал ничего такого, что могло бы некрепко связать меня с семьей Мелеховых, Коршуновых, Бунчуков, Голубовых. Я знал немного о лошадах и реках, но не знал ничего о войне и мире, о революции и гражданской войне. Все это я узнал от Шолохова.

Шолохов сделал для меня то, что приобрело особый смысл, особую цену в те трудные годы. Он не только нарисовал правдивую картину, отображавшую внутренний мир человека, попавшего в водоворот событий. Он сделал главное: показал, какое влияние оказывают коренные перемены в жизни общества на человеческую личность.

«Чисто интеллектуалистские», назовем их так, концепции войны и революции всегда приводили людей к ложному пониманию места человека в обществе, его участия в общественных процессах. От Шолохова я узнал, что революция и война — это не интеллектуальный спорт, что в них принимают участие живые люди, чьи судьбы никогда не бывают легки и просты, чья выдержка, стойкость, преданность, делу проверяются ежедневно, ежеминутно суровыми буднями.

Эти дела и другие писатели — и Барбос, и Ремарк, и Хемингуэй, и Олдингтон, и Манн — и хотя все они писали о войне, о том, она делает с телом и духом человеческим, все они не сказали главного: как сдвиги в жизни об-

щества, гигантские силы потрясения меняют человека, формируют, преобразуют его. Это сделал Шолохов. Для английского читателя это было ново и необычно.

Шолохов часто сравнивают с Толстым. Но я скорее сравнил бы «Тихий Дон» с романом Виктора Гюго «Девяносто третий». Эта книга тоже о революции, о войне, о страданиях, о гражданской войне и контрреволюции. Подобно героям Шолохова, герои Гюго — живые люди, слабые и сильные, со своими радостями и горестями. Они страдают от своих ошибок, они гордятся своими победами. Как и Шолохов, Гюго раскрывает суть морального возрождения человека. Но Шолохову приходилось писать не только о новой морали, ему приходилось писать о новой объективной реальности. Для чего весь этот героизм и страдания? В чем причины насилия и зла? Что все это дает человеку? Шолохову приходилось отвечать на все эти вопросы, когда он писал «Поднятую цепь». Меня всегда интересовало, что чувствовал он, сидя за «Поднятую цепь», ибо именно в ней он разрешал проблемы, поставленные в предыдущих произведениях.

Эта книга замечательная. И не только с точки зрения стиля, сколько с точки зрения идеи, содержания, раскрытия образов. Когда я с волнением читал, как молодой ленинградский рабочий Давыдов поднимает нетронутую казачью степь и свет на ней, мне казалось, что это сам Шолохов сажает молодое дерево социализма в могучем лесу.

Творчество Шолохова дало мне мощный интеллектуальный заряд, оно помогло мне разобраться в том, что происходило в России, в Стране Советов. Где-то, точно не помню где, Эренбург писал: «Писатель должен знать не только, как писать для будущих поколений, но века. Он должен знать, как писать для одной лишь секунды, если в эту секунду решается судьба его народа». Я прожил с Шолоховым эту секунду, эту минуту, этот час, этот год...

Когда я писал эту статью, в витрине одного из книжных магазинов Лондона я увидел новое издание «Тихого Дона». Книга стояла на полке среди произведений классиков. Она по достоинству заняла это место.

Шолохов всегда жил строго по своим собственным законам. Именно это делает его настоящим человеком, настоящим писателем, настоящим гражданином своей страны. Быть настоящим гражданином своей страны — вот чему научилось мое поколение у Шолохова.

Лондон.

НАШ РОДНОЙ ЧЕШСКИЙ ПИСАТЕЛЬ!

В 1965 году в Лейпциге возникла отличная идея — провести первую встречу переводчиков всех стран мира, занимающихся творчеством М. А. Шолохова. Прошло десять лет, и в Лейпциге готовится второй симпозиум подобного рода. Но если первый проходил под девизом «Шолохов, его произведения и деятельность», то второй посвящен теме «Михаил Шолохов и развитие мировой литературы».

Шолохов стал у себя на Родине признанным писателем очень рано, в начале двадцатых годов. И сразу же о нем начинают говорить во всем мире как об одном из ведущих авторов современности.

Первое издание «Тихого Дона» (в то время еще в трех томах) вышло в Чехословакии в 1931—1934 годах у издателя коммуниста Бореховице. В 1935 году Бореховице начал готовить новое издание, но не успел закончить первый том. В том же самом году трехтомник полностью выпустило другое издательство — «Сфинкс».

С переводчиками у нас Шолохову действительно повезло. Всего произведения Шолохова только на чешский язык перевели свыше сорока переводчиков.

Приним Шолохову у нас был оказан совершенно необычайный. Сразу же, как только появились первые переводы его произведений, Шолохов признали и читатели, и критики. С восторгом была принята в Чехословакии и «Поднятая цепь» (в переводе Богумила Матезуса). Не прошло и года после его первого издания, как «Поднятая цепь» уже выходила в новом переводе известного коммунистического деятеля Франтишека Пешки. До войны произошли еще два других, очень важных события в нашей культурной жизни. «Поднятая цепь» была инсценирована и поставлена в тридцатые годы в одном из крупнейших пражских театров — «На Виноградах», и очень скоро прогрессивный оперный театр в Брно первым из зарубежных театров (1937 год) поставил оперу И. Держинского «Тихий Дон».

Вскоре после войны вышел полностью «Тихий Дон», потом — шолоховские рассказы, затем — вновь «Тихий Дон», «Поднятая цепь», статьи, журналистские рассуждения писателя. Едва Шолохов опубликовал «Судьбу человека» и вторую часть «Поднятой цепи», эти книги в переводе уже пришли к чеш-